

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2023.50.52.028

Язык как средство конструирования исторического сознания

Пичугин Виталий Григорьевич

Кандидат психологических наук,
доцент департамента психологии и развития человеческого капитала,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125167, Российская Федерация, Москва, просп. Ленинградский, 49/2;
e-mail: left@lsn.ru

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические вопросы влияния языка на формирование исторического сознания. Актуальность темы исследования определяется значением языка в процессе социально-психологического влияния на массовое сознание. Предположение о конструировании прошлого посредством искажения или создания исторических образов через их вербализацию (девербализацию) является основной гипотезой исследования. Цель – выявление существенных характеристик и механизма влияния языка на формирование исторического сознания. В результате исследования представлены выводы о языке как средстве изменения или создания исторических образов, не имеющих отношения к действительности. Конструирование исторической реальности и отражение ее в массовом сознании происходят посредством языка, в результате чего появляются символически-иллюзорные образования, создающие новые смыслы и значения без всякой связи с реальными историческими событиями. Через языковые формы детерминируется цикл создания образов прошлого с дальнейшей вербализацией (девербализацией) до полного изменения значения этих образов.

Для цитирования в научных исследованиях

Пичугин В.Г. Язык как средство конструирования исторического сознания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 1А. С. 293-301. DOI: 10.34670/AR.2023.50.52.028

Ключевые слова

Язык, историческое сознание, память, история, конструкт реальности.

Введение

Массовое сознание характеризуется неоднородностью, противоречивостью, аморфностью многих образов и представлений, что обусловлено его знаково-символической природой и особенностями социально-психологических феноменов восприятия. Представления об историческом прошлом формируются в массовом сознании посредством языка как знаковой системы, в которой представлены и сфера воображаемого, и отражение реальности, и конструкты симулятивных образов памяти. По мнению немецкого философа Г.Г. Гадамера, язык превращает сознание в разговор и тем самым – в общение. Законы, причины, явления, свойства, отношения предопределяются значениями языка, что опосредует их понимание через создание языковой модели мира. Поэтому язык является важнейшим средством конструирования представлений о прошлом, а также значения прошлого для настоящего и будущего.

По мнению ряда исследователей (Т.В. Елисева, В.В. Кафтан, Т.А. Шалюгина и др.), исторические образы формируются, изменяются, переименоваются посредством вербализации/девербализации – процесса озвучивания, вербального выражения смысла, словотворчества с помощью знаков и символов описания мира либо искажения смысла через вербальное описание действительности. Языковые средства воздействуют на массовую аудиторию тем эффективнее, чем больше яркости, красочности, эмоциональности в описании исторических событий. Если образ прошлого в массовом сознании окрашен в черные тона, обесценен презрением, глупостью, злостью, то нет фундамента для построения настоящего и будущего. Русский язык настолько богат средствами выражения, что позволяет конструировать и формировать (переформировать) отношение к истории страны, меняя смысл и содержание на диаметрально противоположное, разрушая и создавая новые идентичности в массовом сознании. Например, после распада СССР произошло разрушение сложившихся общественных отношений, поменялись концепции, восприятие истории, исчезло то, что многие годы поддерживало социальную стабильность. В последние тридцать лет историческое сознание подверглось хаотизации. На смену старому, которое было не просто деконструировано, а тотально разрушено, пришло множественное новое, противоречивое, порой фантазмагоричное, популярно-развлекательное и исторически фальшивое. На пространстве бывшего Союза был запущен процесс формирования нового самосознания и поиска идентичности на основе своей, отдельной истории, которая, как правило, была построена на нарративе древности и постоянной борьбы с «советской (российской) оккупацией». Произошла вербализация образов и смыслов, несущих негативную историческую коннотацию, например «пакт Молотова-Риббентропа», «раздел Польши», «оккупация Прибалтики» и т.п. В такой конструкции истории Российское государство как правопреемник СССР не должно иметь памяти о победах – ему оставляют только исторические поражения и вину, распространяемую на все общество. Как следствие, покаянные речи «Коли из Уренгоя», псевдоисторическая литература с вариацией темы «как Сталин хотел напасть на Гитлера», множество статей об отсутствии победы в ВОВ, поскольку потери были большими, и т.п. Историческое сознание любого общества основано на идентификации индивидуума и признании им своей связи с историческим прошлым страны. Поэтому важно, чтобы в массовом восприятии прошлое вызывало желание быть причастным к великим свершениям и подвигам предыдущих поколений, а не ассоциировалось с проигрышем и поражениями. Именно язык во многом формирует субъективное восприятие индивида в социальном окружении, соединяя явления и события внешнего мира с конструкцией прошлого

и настоящего во внутреннем мире человека.

Язык как средство отражения реальности прошлого

Процесс социализации для личности сопровождается освоением языка, что, в свою очередь, посредством социально-культурной интеракции транслирует ценности, социальные нормы, культурный код, создает основы для конструкта субъективной и разделяемой реальности. Поэтому именно язык может рассматриваться как средство формирования социальной реальности с определёнными социокультурными смыслами, осознания и выработки отношения к прошлому.

В концепции «гиперреальности» Ж. Бодрийяра [Бодрийяр, 2013] образ реальности имеет не меньшее значение, чем сама реальность. Образы продуцируются и вербализуются индивидуально и на уровне «разделяемой реальности» сливаются в устойчивые образования, называемые «общественным сознанием». Символические копии вещей (симулякры) уже не имеют схожести с прототипами, сама реальность заменяется копией, не имеющей оригинала, в процессе вербальной репрезентации «символических копий вещей», созданных «здесь и сейчас» без какой-либо реальной связи с действительным прошлым.

Сами по себе образы не имеют значения без их выражения в языке. В традиции аналитической философии принято «анализировать способы размышлений и высказываний о мире» [Данто, 2002]. Язык позволяет осознавать окружающую действительность. Бытие выражается в языковых формах, а сознание и язык образуют единство. А. Данто полагал, что доступ к миру возможен только посредством мышления и языка, поэтому философия истории – не про прошлое «само по себе» или «всемирно-исторический процесс», а про «язык историографических описаний», то есть понимание истории невозможно без языковой репрезентации.

Ф.Р. Анкерсмит разделил образы прошлого и исторический нарратив. Можно представлять прошлое или видеть изображения исторических событий на картинах, складывать из них довольно реалистичные сюжеты в предполагаемой последовательности и закономерности, но «...нарративный идеализм провозглашает автономность нарратива: в нарративе прошлое описывается с помощью сущностей, которыми не обозначаются вещи или аспекты прошлого. Построение и использование этих сущностей в нарративе подчиняется правилам, которые не являются простым отражением закономерностей, существующих в прошлом, но имеют свой собственный статус» [Анкерсмит, 2003]. Повествование о «самом прошлом» осложняется ввиду отсутствия «перевода» с языка прошлого на язык настоящего: таких правил не существует, поэтому невозможно соотнести исторический нарратив с «действительным прошлым», отсюда анализ возможен «только на уровне нарративов» [там же, 137]. Любой нарратив – это прежде всего язык, посредством которого создается образ прошлого в индивидуальном и групповом сознании.

По Я. Ассману, историческая память передается через ее носителей, например, одна из двух форм коллективной памяти – «коммуникативная память» [Ассман, 2004] – зафиксирована в языке и передается в процессе социальной коммуникации. В данной модели реальность прошлого опосредована множественностью искажений, которые неизбежны в процессе восприятия и передачи информации.

В 1960-е годы Ханс-Георг Гадамер предложил рассматривать историческое сознание как «действенно-историческое», направленное от релятивности к тотальности. Любое понимание

прошлого включает интерпретацию, что является не нахождением смысла, а лишь его привнесением.

То есть первичный смысл текста не ищется, а создается заново [Гадамер, 1999, 202]. Обращение к преданию, которое отделено временной дистанцией, дает возможность интерпретировать, находясь в отстранении, соотносить историчность предания с собственной историчностью, быть «открытым» в отношении вопросов предания. Это то, что автор назвал «действенно-историческим сознанием». Стоит отметить, что любой, в том числе и интерпретации посредством языка, присущ некоторый субъективный конструктивизм, «привнесение смысла», что зачастую характеризуется процессом проекции личностных образов, убеждений, верований.

Посредством языка формулируются смыслы настоящего и прошлого, поскольку сами события жизни могут только восприниматься и быть субъективно оценены. Автор теории личностных конструктов Дж. Келли полагал, что «...события не приходят к нам и не говорят, что и как надо делать, – они просто идут своим чередом. Если что-то и управляет нашими мыслями и действиями, так это созданная нами структура» [Келли, 2000]. Отражая действительность, человек конструирует мир посредством языка, дает описание прошлому и настоящему, придает смысл историческим событиям посредством их классификации, оценки, истолкования, создания шаблонной картины мира для понимания действительности, создавая своего рода фильтры восприятия реальности настоящего и ее причинно-следственных связей с прошлым.

Искажение прошлого в тексте и языке

Текст и язык лишь опосредованно, через множество социально-психологических и личностных фильтров восприятия, отражает действительность. Прошлое конструируется всегда в настоящем, которое презентует свои рамки и стереотипы, обусловленные положением в экономике, политическим строем, идеологией и т.п. Человек, воспринимающий и формулирующий отношение к прошлому, – продукт социума настоящего, но в своем конструировании истории ему все равно приходится опираться на тексты и язык прошлого, что неизбежно приводит к его искажению. Ю.М. Лотман в одной из своих работ пришёл к выводу: «Таким образом, мы можем заключить, что необходимость опираться на тексты ставит историка перед неизбежностью двойного искажения. С одной стороны, синтагматическая направленность текста трансформирует событие, превращая его в нарративную структуру, а с другой, противоположная направленность взгляда историка также искажает описываемый объект» [Кошелев, 1994, 353].

П. Бурдьё рассматривал язык как социальный конструкт, который детерминирован социальными условиями и структурами жизнедеятельности людей в социально-историческом контексте. Тогда язык – это не просто система знаков или компетенций для выражения мыслей и намерений индивидов, а социальный конструкт, существующий как продукт социального взаимодействия индивидов в каждой конкретной социокультурной ситуации [Bourdieu, 1990]. Описание прошлого конструктом языка настоящего неизбежно ведет к искажению в виде придания атрибутов настоящего времени историческим событиям.

Важно также отметить искажения исторической информации, возникающие при переводе с одного языка на другой. По меткому выражению Л. Витгенштейна, «границы моего языка есть границы моего мира» [Апель, 2001, с. 8]. Смысловые неточности перевода могут возникать

ввиду непонимания действительности «за границей своего мира». Простой перевод слов без понимания социально-исторической реальности, особенно прошлого, приводит к искажению смысла, фактов, памяти об исторических событиях. И даже если предположить, что «...предметом исследования сегодня зачастую становится не само историческое событие, а память о нём, живущая в сознании общества в последующие эпохи» [Носов, 1997, 7], то эта память отражается в языке и тексте как генерализированный коллективный опыт, полученный в контексте определенной материальной культуры, отраженный в социальных нормах, традициях, без знания и понимания которых нет возможности заглянуть за «границу языка».

Живой язык стремится соответствовать современности, отражая явления настоящего времени, поэтому в лексике остаётся много устаревших слов, которые исчезают из повседневного употребления вместе с явлениями и предметами, которые они обозначали. Историзмы и архаизмы – это утраченная память о прошлом в современности: в обыденном сознании уже отсутствуют не только обозначения образов минувшего времени, но и сама необходимость помнить. Язык просто фиксирует как естественный процесс забывание неактуального, того, что осталось в прошлом, в чем нет естественной необходимости в настоящем.

Таким образом, в языке и тексте в силу определенных факторов может присутствовать искажение информации о событиях прошлого: что-то просто утрачивается в силу естественных причин, какие-то события приобретают иной смысл, а также наличествует сознательное конструирование прошлого посредством вербального выражения смысла, словотворчества с помощью знаков и символов описания мира либо искажения смысла через вербальное описание действительности.

Языковое конструирование в описания прошлого

«В постмодернистском представлении о реальности, включая исторические события в их временной связи, всё восприятие субъективно, а человек оперирует лишь знаками в окружении симулякров, воспроизводимых посредством интерпретации в сознании, которое самостоятельно и произвольно в каждый момент времени определяет, что реально и ценно, а что нет» [Пичугин, 2022, 132]. Радикальный конструктивизм предполагает в субъективном восприятии отсутствие прошлого как такового, поскольку, «оперируя знаками в окружении симулякров», можно самостоятельно конструировать прошлое, а затем – признавать его тем, что «реально и ценно». Тождество реальности и текста делает главным язык, в котором производится значение: «...практически вне зависимости от того, какие именно проявления человеческой природы интересуют исследователя, рано или поздно он обнаружит, что исследует проблемы, связанные с «языком и коммуникацией» [Журавлев, 1996, 86].

Исторические события и отношение к ним могут быть представлены в массовом сознании по-новому. В язык описания вводятся новые слова, которым придаётся определённое значение, старым словам находится другой смысл. И вот уже вокруг нововведений происходит дискуссия, появляются критики, которым противостоят адепты нововведений. Через некоторое время обсуждение становится привычным, на него ссылаются, появляется уже знакомая терминология (с новыми смыслами и значениями), а главное, в массовом сознании образуется новое отношение к событиям прошлого.

Слова и выражения, создающие в историческом сознании простые картинки о прошлом (образная история), как правило, эмоционально окрашены, по форме похожи на лозунги, но без

задачи призыва к чему-либо, поскольку основная цель состоит в простом соединении слов (предложений) с необходимым образом прошлого, отражающим событие или какой-либо период времени.

Исторические образы, как некоторые застывшие картинки, выхваченные из потока событий, связываясь с определенным персонажем в языке, принимают форму ярлыка, что демонстрирует величие или ничтожество персонажа: от «величайшего правителя всех времён и народов», до «ничтожного кровавого тирана». Примечательно, что такие ярлыки могут присваивать одному и тому же человеку в зависимости от политических и идеологических предпочтений.

Образы истории как назидательные или поучительные примеры из прошлого для людей настоящего формулируются с множеством обобщений и оценочных суждений, что присуще жанру популярной истории для широких общественных масс, – это так называемая литература (и язык) для массовой культуры. В данном случае через язык осуществляется социально-психологическое влияние на большие группы людей с целью формирования определённого отношения к прошлому.

Сами личности в истории – образы в массовом сознании с описанием качеств, характеристик, заслуг, поражений и т.п. Светлый образ героя и темное прошлое диктатора буквально выражаются словами, придающими позитивную или негативную коннотацию образу конкретной исторической личности. Важно отметить, что чем больше абсолютизация роли личности, тем более выражено в описании либо возвеличивание, либо принижение её заслуг.

Описание образов псевдоистории как симулятивных образований основано на создании конструкций путем полной замены реальных событий прошлого. Язык описания отличается выраженной эмоциональной окрашенностью, часто – экспрессивностью, яркостью, идеализацией положительных героев и событий. Самые эффективные конструкты, имеющие убедительность для массовой аудитории, созданы с частичным использованием действительных исторических фактов с последующей «правильной» интерпретацией. Когда симулятивные образы прошлого находят свое выражение в языке, то они становятся реальностью настоящего в субъективном восприятии массовой аудитории. Как отмечал Ж. Бодрийяр, «всё, что нам остается, – тщетные притворные попытки породить какую-то жизнь помимо той, которая уже существует. Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутствуют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возрождать снова и снова» [Бодрийяр, 2000]. Реальность, которая не описана словами, не существует в сознании. Механизм создания образов прошлого работает и через рассказ о событиях, что позволяет «возрождать снова и снова» образы, фантазмы и т.п.

Заключение

Природа исторического сознания не предполагает возможности точной репрезентации реальности. Язык описания прошлого конструирует в массовом сознании образы, лишь отчасти имеющие отношение к действительно происходившим событиям. Какая-то информация обобщается, что-то искажается, часть упускается, что определяется множеством объективных и субъективных факторов. Объективно современный язык не всегда может точно отразить события прошлого, а с учетом идеологической или политической ангажированности язык становится инструментом социально-психологического влияния на настоящее, конструируя желаемое прошлое, создавая пространство воображаемого. Пространство воображаемого – это

способ конституирования, который лежит в основе того, что принято называть современной социальной действительностью. В равной степени это касается и процессов искажения действительности [Савельева, 2010, 378].

Посредством языка можно как изменить отношение к уже существующим историческим образам, так и создать новые, часто вообще не отражающие исторической действительности. Экспрессия в языке детерминирует эмоциональное заражение и присоединение индивидуума к доминирующему в обществе социальному конструкту, что происходит через неосознаваемые процессы посредством средств массовой коммуникации. Создаются яркие и привлекательные символы (знаки), обозначающие стандарты дозволенного, необходимого, правильного, поощряемого в социуме. Символически-иллюзорные образования в массовом сознании порождают символы и знаки, создающие новые значения, никак не связанные с действительностью, отрицающие (по Ж. Бодрийяру) «...и оригинал, и копию, и модель и репродукцию» [Бодрийяр, 1995]. Таким образом, конструирование исторической реальности и отражение ее в массовом сознании происходит через цикл создания образов прошлого посредством языка с дальнейшим изменением (до полной противоположности) значения этих образов. Отсюда – постмодернистское восприятие реальности: «Всё воспринимается как цитата, как условность, за которой нельзя отыскать никаких истоков, начал, происхождения» [Эпштейн, 1999, 202].

Язык как средство конструирования исторического сознания становится мощнейшим инструментом манипуляции общественным мнением, в котором легко приживаются измененные образы прошлого с придуманным новым значением, новым смыслом текстов, что приводит к разрушению сакральных образов и духовно-нравственных идеалов.

Библиография

1. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / пер. с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
2. Апель К.-О. Витгенштейн и проблемы герменевтического понимания // Трансформация философии. М.: Логос, 2001. 344 с.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
4. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000. 245 с.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула: Тульский полиграфист, 2013. 204 с.
6. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 1995. 245 с.
7. Гадамер Г.Г. Текст и интерпретация // Герменевтика и деконструкция. СПб, 1999. 256 с.
8. Данто А. Аналитическая философия истории / пер. с англ. А.Л. Никифорова, О.В. Гавришиной. М.: Идея-Пресс, 2002. 289 с.
9. Журавлев В.Ф. Анализ коммуникаций в качественном интервью // Социология: 4М. 1996. № 7. С. 86.
10. Келли Дж. Теория личности: психология личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 428 с.
11. Кошелев А.Д. (сост.) Лотман Ю.М. и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. 547 с.
12. Носов Н.А. Виртуальный человек. М.: Магистр, 1997. 430 с.
13. Пичугин В.Г. Основы теории социального конструирования исторического сознания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11. № 4А. С. 132.
14. Савельева Е.А. Симулякр как новое социокультурное понятие в теории Жана Бодрийяра // Материалы IV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Научный потенциал студенчества в XXI веке». Том 2. Общественные науки. Ставрополь, 2010. С. 378.
15. Эпштейн М. Информационный взрыв и травма постмодернизма // Звезда. 1999. № 11. С. 220.
16. Bourdieu P. In Other Words: Essays Toward a Reflexive Sociology. Stanford, 1990. P. 135.

Language as a means of constructing the historical consciousness

Vitalii G. Pichugin

PhD in Psychology,
Associate Professor of the Department of HR Management and Psychology,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
125167, 49/2 Leningradskii ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: left@lsn.ru

Abstract

The article deals with theoretical issues of the influence of the language on the formation of historical consciousness. The relevance of the research topic is determined by the role of the language in the process of sociopsychological influence on the mass consciousness. The assumption about constructing the past by means of distorting or creating historical images through their verbalization (deverbalization) is the main hypothesis of this research. Its purpose is to identify the essential characteristics and mechanism of the influence of language on the formation of historical consciousness. As a result of the study, conclusions are presented about language as a means of changing or creating historical images that are not related to reality. The construction of historical reality and its reflection in the mass consciousness occurs through language. As a result, symbolic-illusory formations appear and create new meanings and meanings that have no connection to the real historical events. The cycle of creating images of the past is determined through linguistic form by further verbalization (deverbalization) until the meaning of these images is completely changed.

For citation

Pichugin V.G. (2023) Yazyk kak sredstvo konstruirovaniya istoricheskogo soznaniya [Language as a means of constructing the historical consciousness]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (1A), pp. 293-301. DOI: 10.34670/AR.2023.50.52.028

Keywords

Language, historical consciousness, memory, history, reality construct.

References

1. Ankersmit F.R. (2003) *Narrativnaya logika. Semanticheskii analiz yazyka istorikov* [Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians] / translated from English by O. Gavrishina, A. Oleinikov. Moscow: Ideya-Press Publ.
2. Apel' K.-O. (2001) *Vitgenshtein i problemy germenevticheskogo ponimaniya* [Wittgenstein and problems of hermeneutic understanding]. *Transformatsiya filosofii* [Transformation of Philosophy]. Moscow: Logos Publ.
3. Assman Ya. (2004) *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ.
4. Bodriyar Zh. (2000) *Prozrachnost' zla* [The transparency of evil]. Moscow: Dobrosvet Publ.
5. Bodriyar Zh. (2013) *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and simulation]. Tula: Tul'skii poligrafist Publ.
6. Bodriyar Zh. (1995) *Sistema veshchei* [The system of things]. Moscow: Rudomino Publ.
7. Bourdieu P. (1990) *In Other Words: Essays Toward a Reflexive Sociology*. Stanford, p. 135.
8. Danto A. (2002) *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical philosophy of history] / translated from English by A.L. Nikiforova, O.V. Gavrishina. Moscow: Ideya-Press Publ.

9. Epshtein M. (1999) Informatsionnyi vzryv i travma postmodernizma [The information explosion and the trauma of postmodernism]. *Zvezda*, 11, p. 220.
10. Gadamer G.G. (1999) *Tekst i interpretatsiya* [Text and interpretation]. *Germenevtika i dekonstruktsiya* [Hermeneutics and deconstruction]. Saint Petersburg.
11. Kelli Dzh. (2000) *Teoriya lichnosti: psikhologiya lichnostnykh konstruktov* [Personality theory: psychology of personal constructs]. Saint Petersburg: Rech' Publ.
12. Koshelev A.D. (sost.) (1994) *Lotman Yu.M. i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Lotman Yu.M. and the Tartu-Moscow semiotic school]. Moscow: Gnozis Publ.
13. Nosov N.A. (1997) *Virtual'nyi chelovek* [Virtual person]. Moscow: Magistr Publ.
14. Pichugin V.G. (2022) Osnovy teorii sotsial'nogo konstruirovaniya istoricheskogo soznaniya [Fundamentals of the theory of social construction of historical consciousness]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 11 (4A), p. 132.
15. Savel'eva E.A. (2010) Simulyakr kak novoe sotsiokul'turnoe ponyatie v teorii Zhana Bodriyara [Simulacrum as a new socio-cultural concept in the theory of Jean Baudrillard]. In: *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Nauchnyi potentsial studenchestva v XXI veke». Tom 2. Obshchestvennye nauki* [Proc. Int. Conf. "Scientific potential of students in the XXI century". Volume 2. Social Sciences]. Stavropol', p. 378.
16. Zhuravlev V.F. (1996) Analiz kommunikatsii v kachestvennom interv'yu [Analysis of communications in a qualitative interview]. *Sotsiologiya: 4M* [Sociology: 4M], 7, p. 86.